

ТАТЬЯНЫ ПОЛЯКОВОЙ:

Деньги для киллера
Ставка на слабость
Тонкая штучка
Я – ваши неприятности
Строптивая мишень
Как бы не так
Чего хочет женщина
Сестрички не промах
Черта с два
Невинные дамские шалости
Жестокий мир мужчин
Отпетые плутовки
Ее маленькая тайна
Мой любимый киллер
Моя любимая стерва
Последнее слово за мной
Чумовая дамочка
Интим не предлагать
Овечка в волчьей шкуре
Барышня и хулиган
У прокурора век недолог
Мой друг Тарантино
Чудо в пушистых перьях
Любовь очень зла
Час пик для новобрачных
Фитнес для Красной Шапочки
Брудершафт с терминатором
Миллионерша желает познакомиться
Фуршет для одинокой дамы
Амплуа девственницы
Список донжуанов
Ангел нового поколения
Бочка но-шпы и ложка яда
Мавр сделал свое дело
Тень стрекозы
Одна, но пагубная страсть
Закон семи
Сжигая за собой мосты
Последняя любовь Самурая
Невеста Калиостро
Испанская легенда
4 любовника и подруга
Welcome в прошлое
С чистого листа
Мое второе я
Уходи красиво
Неутолимая жажда
Огонь, мерцающий в сосуде
Она в моем сердце
Тайна, покрытая мраком
Выйти замуж любой ценой
Судьба-волшебница

Наследство бизнес-класса
Змей-соблазнитель
Время-судья
Свой, чужой, родной
Разрушительница пирамид
Дневник чужих грехов
Особняк с выходом в астрал

Сериал «Таинственная четверка»

Миссия свыше
Коллекционер пороков и страстей
Знак предсказателя
В самом сердце
Четыре всадника раздора

Сериал «Я и Владан Марич»

Найти, влюбиться и отомстить
Жаркое дыхание прошлого
Не вороши осиное гнездо
Сыщик моей мечты
Голос, зовущий в ночи

Сериал «Фенька – Femme Fatale»

И буду век ему верна?
Единственная женщина на свете
Трижды до восхода солнца
Вся правда, вся ложь
Я смотрю на тебя издали
Небеса рассудили иначе

Сериал «Анфиса и Женька – сыщицы поневоле»

Капкан на спонсора
На дело со своим ментом
Охотницы за привидениями
Неопознанный ходячий объект
«Коламбия пикчерз» представляет
Предчувствия ее не обманули

Сериал «Ольга Рязанцева – дама для особых поручений»

Все в шоколаде
Вкус ледяного поцелуя
Эксклюзивный мачо
Большой секс в маленьком городе
Караоке для дамы с собачкой
Аста Ла Виста, беби!
Леди Феникс
Держи меня крепче
Новая жизнь не дается даром

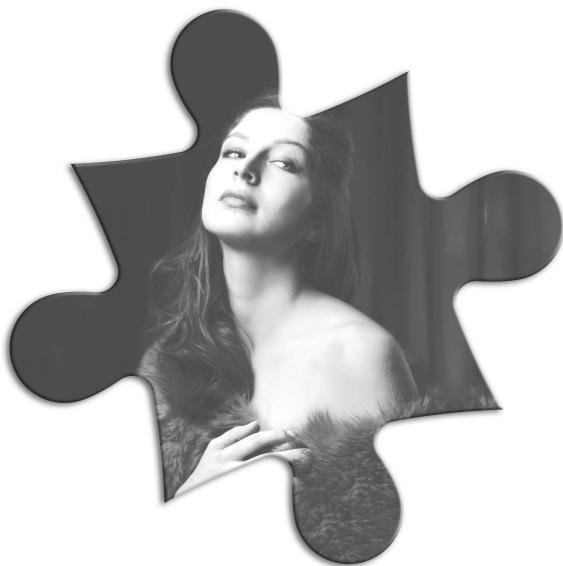
Сериал «Одна против всех»

Ночь последнего дня
Та, что правит балом
Все точки над і
Один неверный шаг

Сериал «По имени Тайна»

Две половинки Тайны

Чего хочет женщина

**ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА**

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Н. Каптыкиной*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Чего хочет женщина : [роман] / Татьяна Полякова. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-165489-4

Красавица Лада поистине роковая женщина. Нет мужчины, способного устоять перед ее прелестями. Муж-актер и любовник-бандит всего лишь послушные марионетки в ее руках, а тут еще рядом подружка с грандиозными планами создать пусть и небольшую, но зато собственную криминальную империю. А почему бы и нет? И две красавицы начинают действовать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165489-4

© Полякова Т.В., наследники, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Мы с мужем совершали ритуал: чаепитие перед спектаклем. Муж просматривал газету, прихлебывал чай из огромной чашки и сообщал мне последние театральные новости. Рассказчик он хороший, чего не скажешь о его игре. Я пила чай из чашки поменьше, с удовольствием смотрела на его красивое лицо и жалела, что он мой муж. Услышав звонок в дверь, я досадливо поморщилась — по четвергам, а был четверг, мы предпочитали проводить день вдвоем. Муж посмотрел на меня поверх газеты.

— Кто бы это?

— Понятия не имею, — ответила я и хотела подняться, но он опередил меня.

— Сиди, дорогая, я открою, — муж у меня джентльмен.

Звонок надоедливо трещал, затем хлопнула дверь, и я услышала голос моей подруги Таньки, при звуках которого меня всегда пробирает дрожь. Болтать она начала с порога, муж довел ее под руку до кухни.

— Привет, — буркнула она и тут же добавила: — Я влюбилась.

— Чудесно, — без иронии заметил муж. — Присутствовать можно?

— Оставайся, — разрешила Танька. — Тебе полезно послушать. Что-то ты больно спокоен, друг мой, а с такой женой, как у тебя, всегда надо быть начеку.

— Приму к сведению. Так что там за новый возлюбленный?

Танька влюблялась, как правило, четырежды в год, вспышки приходились на средний месяц каждого сезона, она объясняла это особыми токами в крови.

— Ну, так что за любовник? — подала я голос. — Что он, красив, умен?

Танька подозрительно покосилась на меня.

— Что-то ты бледная сегодня.

— Это освещение.

— Может, и освещение, а по мне, ты слишком много пялишься на своего красавца мужа. Кстати, мужчине вовсе не обязательно быть красивым, а ум ему уж точно ни к чему.

— Значит, твой любовник безобразен и глуп?

Танька стала сверлить меня взглядом, силясь понять, говорю ли я серьезно или дразню ее. Наверняка лицо у меня сейчас довольно глупое, зато непроницаемое. Я пользуюсь своим лицом как ширмой. Не обнаружив ничего похожего на насмешку, Танька улыбнулась.

— Он чудо.

— Прошу прощения, леди, — встрял муж. — Пикантные подробности будут?

— Разумеется, — ответила Танька.

— Тогда я удаляюсь. Терпеть не могу, когда хвалят других.

Муж поднялся и, одарив меня самым нежным взглядом из своего арсенала (в театре он играет преимущественно любовников), скрылся в гостиной.

— Хорош, черт, — вздохнула Танька.

— Хорош, — отозвалась я. — Ну, что там с любовником?

— Он из Сан-Франциско.

— А где это?

— Не прикидывайся. В Америке.

— Серьезно? А здесь-то ему что надо?

— Контракт приехал заключать. Мост будут строить.

— Через нашу канавку, что ли?

— Ты чего сегодня вредная такая, женские недомогания?

— Да я так просто, выясняю, — мирно сказала я. — Контракт заключили?

— Нет. Думаем. Уж больно круто.

— Так ведь из Сан-Франциско люди едут.

— Вообще-то он грузин.

— Но из Сан-Франциско. Любопытно.

Танька опять стала сверлить меня взглядом.

— Не вредничай, родители у него эмигрировали. — Тут она лучезарно улыбнулась и спросила: — Доброе дело сделать хочешь?

— Хочу, если это не дорого.

— Не дорого. Пойдем в ресторан. Он меня поужинать пригласил. Но ведь как-то неудобно, верно?

— Отчего ж неудобно?

— Ну, у нас же вроде деловые отношения. А тут вдвоем.

— Так вы ж любовники.

— Да нет еще. В общем, я сказала, что приду с тобой, а он там какого-то хмыря притащит.

— Ты уверена, что получится приличней?

— Уверена. В шесть часов встречаемся.

— Не пойдет. Сегодня в театр иду.

— Что там делать-то? На мужа смотреть...

Он тебе и так целыми днями глаза мозолит. Между прочим, не так уж часто я обращаюсь к тебе с просьбами.

Действительно, за последнюю неделю это случилось всего каких-нибудь пять раз.

— Не пойду.

— Вот только попробуй, — сурово сказала Танька. — Может, от этого ужина моя судьба зависит. Позвоню.

Танька отбыла, крикнув мужу:

— Валерочка, котик, пока.

Валера, стоя перед зеркалом, пытался завязать галстук. Он морщился и время от времени стонал:

— Черт, это невыносимо.

Зрелище устрашающее. Я не умею завязывать галстуки. Все, чем могу помочь в

этом процессе, так это напряженно морщить лоб и повторять:

— Спокойнее, милый.

Наконец с галстуком было покончено. Муж довольно улыбнулся, я помогла ему надеть пиджак, стряхнула с плеча несуществующие пылинки.

— Ты чудо, — сказал он и поцеловал меня в нос.

Я довольно улыбнулась. Прощальный взгляд в зеркало: в профиль Валера просто бесподобен.

— Какие у тебя планы на вечер? — спросил он.

— Вообще-то я собиралась в театр, говорят, ты превзошел самого себя. Должна же я это видеть.

Лицо любимого чуть вытянулось. Чего-то я с планами намудрила. Свинство, конечно, с моей стороны, сообщать ему об этом за два часа до спектакля. Я поспешно отвернулась и начала перебирать ноты на фортепиано — надо дать возможность человеку опомниться. В мужа я верю, он молодчина. Несколько лет назад ему присвоили «заслуженного», не зря присвоили: когда я, сочтя до шестидесяти, повернулась, на лице его сияла самая ослепительная из улыбок.

— Как это мило, что ты решила посмотреть спектакль, — бодрым голосом заявил он и поцеловал меня. Несколько минут мы о чем-то поболтали, но взгляд у него был ищущий, значит, плохи дела у человека.

Я проводила его до двери и чмокнула на прощание, потом вернулась в гостиную, прихватив из прихожей телефон. Выждав сорок минут, позвонила в театр. Меня попросили подождать, а когда муж взял трубку, я чуть не плача сказала:

— Валерочка, прости меня ради бога, я не смогу прийти. Мне самой страшно жаль... Я сожгла бордовое платье, да, забыла утюг... И у тебя еще хватает совести острить?.. Нет, в другом платье не могу, к тому же настроение безнадежно испорчено.

Я повесила трубку. Бордовое платье придется на время спрятать, через месяц Валера все равно о нем забудет. Тут как раз позвонила Танька:

— Ты мне подруга или кто?

— Подруга, подруга, сейчас подъеду.

Надо полагать, это судьба.

Танька, пританцовывая, ждала на остановке. Я открыла дверцу машины, и она плюхнулась рядом.

— Мать моя, холод какой. Лето хочу. Дай гляну, что надела.

Я распахнула шубу.

— Так и знала. Выпендрилась. Теперь на тебя пялиться будет.

— Я тебе сколько раз говорила, ищи подругу хуже себя. А ты простофиля.

— Душевная я, этого у меня не отнимешь. Чего мужу сказала?

— Сказала, что платье бордовое сожгла.

— Правда сожгла? — ахнула Танька.

— Нет.

— Слава богу, хорошее платье. А твои титьки в нем высший класс, не только мужикам, даже мне сразу чего-то хочется.

Тут Танька права: бюст у меня такой, что семь мужиков из десяти, увидев его, долго не могут захлопнуть рот, остальные трое живут с открытым ртом до конца жизни.

Танькин возлюбленный ждал нас при входе. Грузинского в нем только и было что темные волосы, а вообще-то отнести его к какой-либо национальности было весьма затруднительно. Впрочем, Сан-Франциско далеко, и кто знает, какие там грузины. Понять, чего Танька в нем нашла, было невозможно, но она во всем проявляла такую стойкую оригинальность, что я давно оставила всякие попытки что-нибудь в ней уразуметь. Второй кавалер был совершенно бесцветен, к тому же по-русски не говорил, пялился на меня, что-то лепетал и все норовил ухватить за коленку. Черт его знает, что он там себе вообразил. Через полчаса стало ясно — ужин не удался. Сначала это поняла я, а потом дошло и до Таньки; возлюбленный говорил только на две темы: контракт и мост. Танька ерзала, смотрела на него по-особенному, потом притомилась и заявила, что от нее мало что зависит. Это она врала из вредности. Через час мы уже мелеенько

трусили к моей машине. Танька материлась, скользя на высоких каблуках.

— Нет, ты скажи, где еще такого дурака увидишь? А ты ехать не хотела. Да его за деньги надо показывать. Баба из трусов выпрыгивает, а он ей про мост лапшу вешает. Все, это последний американец в моей жизни.

— Он грузин.

— Козел он прежде всего. Ох... Ну что? Поехали к Аркашке, что ли? Напьюсь с тоски.

— К Аркашке не поеду. Позавчера был. Надоел до смерти.

— Бабки стричь не надоело. Поехали, не бросишь же ты меня, когда я в таком положении.

— В каком положении?

— В трагическом, дура.

— Поехали, — сказала я, заводя машину.

— Давай по объездной, быстрее получится.

Но едва мы выехали на объездную, как в машине что-то подозрительно хрюкнуло, и она заглохла.

— Чего это? — недовольно спросила Танька.

— Бензин кончился.

— Вечно у тебя что-нибудь кончается. Вываливай титьки на дорогу, мужиков ловить будем.

— В шубе я.

— Распахни.

Мы вышли из машины, закурили и стали ждать появления спасателей.

— Зараза, холодно-то как.

— Холодно, Танюшка, холодно.

— А я еще сдуру без трусов. Выпендрилась, прости господи, чулки и подтяжки... Для кого старалась!

— Может, ты в машину сядешь, чего задницу морозить?

— Хрен с ней, с задницей, все равно не везет.

Тут в досягаемой близости появился «москвичонок» и притормозил.

— Чего у вас, девчонки? — весело спросил дядька в лисьей шапке.

— Ничего у нас для тебя нет, дорогуша, — ответила Танька. — Кати дальше.

Дядька укатил.

— Чего ты? — спросила я. — Плеснул бы бензинчику.

— Душа у меня горит.

— Ага. Душа горит, а задница мерзнет.

Тут подкатила «бээмвэшка», первым вышел водитель, здоровенный детина с наглой рожей, за ним появился пассажир. Кожаные куртки, норковые шапки, одно слово — униформа. Первый радостно осклабился и спросил:

— Что, девочки, загораем?

— Загораем, — бойко ответила Танька, оглядывая парня с ног до головы, плохое настроение с нее как ветром сдуло. Танька от здоровых мужиков просто дурела, она их, как свиней, килограммами мерила.

— Что случилось-то?

— Бензин кончился.

— Что ж вы так, девочки? Придется помочь. Как думаешь, Дима?

Дима подошел поближе и улыбнулся. Улыбка у него — лучше не бывает.

— Поможем, конечно.

Нас разглядывали. Мне что, не жалко. Танька стояла подбоченясь, ухмыляясь и выглядела сногшибательно. Парни засуетились, потом пошептались о чем-то возле своей машины и опять подошли к нам.

— Девочки, накладочка вышла, — сказал первый. — Бензина у самих маловато, придется до заправки ехать.

— Ясно, — усмехнулась Танька.

— Да нет, серьезно, хотите, я вам Димку в залог оставлю? — Парень сделал паузу и добавил, глядя на Таньку: — Можешь со мной поехать, если не веришь.

— Пожалуй, так надежней будет, — засмеялась она и, покачивая бедрами, пошла к «БМВ». Я села в свою «восьмерку» и открыла правую дверь.

— Садись, Дима.

Он сел, я включила свет в салоне, чтобы получше его разглядеть, ну и, само собой, чтоб и он увидел, кто с ним рядом. Дима был хорош. Лет двадцати пяти, голубые глаза, чувственные губы и улыбка героя американских боевиков. Еще одним явным достоинством Димы было полное отсутствие

наглости: во взгляде, в улыбке, в манере сидеть.

— Курить можно? — спросил он.

— Можно, — улыбнулась я.

— А вы курите?

— Иногда.

Мы закурили.

— Думаю, они не скоро вернутся, — заметил Дима, но опять-таки спокойно, без нажима.

— Я тоже так думаю, — согласилась я. — Если уйдешь, я не в претензии.

— Да нет. Спешить мне некуда. Как вас зовут? Глупо разговаривать, не зная, как обратиться к человеку, — сказал он, словно извиняясь.

— Лада. Лада Юрьевна.

Он улыбнулся.

— Имя у вас интересное. Редкое.

— Да, имя у меня редкое. А тебя зовут Дима. Чем занимаешься? Ничего, что я спрашиваю?

Он пожал плечами.

— На станции техобслуживания работаю, слесарем.

— Нравится?

— Нравится. Я с детства машины люблю. Вот сломается ваш «жигуленок», приезжайте, сделаю в лучшем виде.

— Да вроде бы миловал бог, пока бегает.

— Новая машина?

— Да.

— Ваша или мужа?

— Моя.

— Я себе тоже машину собрал, полгода возился, но не зря. Хорошая машина. — Он вдруг загнулся и спросил: — Вам, наверное, смешно?

— Почему? — удивилась я.

— Ну, я ведь не слепой, кое-что вижу: шуба песцовая, своя «восьмерка», одно ваше кольцо стоит дороже моей тачки. Муж коммерсант?

— Муж у меня актер, в театре играет. Папа у меня хороший.

— Ясно. А вы чем занимаетесь?

— В музыкальной школе работаю, детишек учу.

— На пианино?

— Да.

— Руки у вас красивые.

— Руки? — улыбнулась я.

— Об остальном не говорю. Слов нет. Без шуток.

— Спасибо. Мне приятно. Слушай, ты сладкое любишь? У меня шоколад есть.

— Люблю, — улыбнулся он.

Мы разломили плитку пополам, я быстро свою съела, а Дима от своей половинки отломил чуть-чуть, остальное протянул мне, вышло это трогательно и мило.

— В армии почему-то очень сладкого хотелось, — сказал он, а я спросила, где служил? — и разговор пошел сам собой, точно мы знали друг друга давным-давно. Когда впереди показалась «БМВ», я даже ощутила что-то вроде досады.

— Вот и Вовка с вашей подругой. — По Диминому голосу было ясно, что дружок мог бы и не торопиться. Вова вышел, достал канистру из багажника и подошел к нам.

— Дима, — сказал Вовка, ухмыляясь, — тебя Лада довезет, ладно? У меня тут... в общем, доедешь, да?

— Доеду, — ответил Дима. — Лада, воронка есть?

— Есть, в багажнике. — Я подала ему ключи. «БМВ» с Вовкой и Танькой укатила, я тоже завела машину.

— Ты где живешь? — спросила я Диму. Он посмотрел мне в глаза.

— А вы очень торопитесь?

— Да нет. Хочешь, покатаемся?

— Хочу.

— Тогда за руль садись, я, когда болтаю, езжу неаккуратно.

Машину Дима водил мастерски, вообще смотреть на него было одно удовольствие. Мы катались по вечернему городу и болтали, пока я не сказала, смеясь:

— Дима, у нас с тобой опять бензин кончится.

— Понял, — ответил он.

Мы поставили машину в гараж и домой поехали на такси, возле моего подъезда простились, Дима уехал, а я поднялась к себе, переоделась, поставила чайник на плиту и стала ждать Валеру. Мысли мои были приятны, и настроение отличное, выходило, что Танька в этот вечер меня вытащила из дома не зря.

Утром мы поднялись поздно — по пятницам я работаю во вторую смену, у мужа репетиция в двенадцать, можно было отоспаться. Я готовила завтрак, скучала и прикидывала, чего бы мне захотеть. Помучившись немного, я захотела новую машину. Следовало подготовить мужа.

— Валерочка, — сказала я, — у меня с машиной что-то. Не заводится.

— Да? — Муж в автомобилях не разбирается, у него своя «девятка», в ней вечно что-то ломается, муж злится и о машинах говорит неохотно. — Наверное, зажигание, надо посмотреть.

Тут в дверь позвонили.

— Что за черт, — сказал Валера. — Ни дня без гостей, — и пошел открывать. Однако голос его мгновенно переменялся. — Аркадий Викторович, — радостно запел он. — Проходи. Куда пропал? Только вчера тебя вспоминали.

— Ох, Валера, работа в гроб вгоняет, связался с этой коммерцией, век бы ее не видать. Как вы?

— Нормально, проходи. Лада на кухне. Лада, посмотри, кто пришел.

В кухню бочком и слегка пританцовывая вкатился Аркаша, маленький толстый старый еврей, мой любовник.

— Здравствуй, Ладушка, — пропел он и к ручке приложился.

— Аркадий Викторович, что невеселый?

— Заботы одолели. Чайком не напоите?

— Конечно. — Муж поставил чайни-

чек. — Может, коньячку? Хороший, армянский.

— Ох, нет, спасибо. Бросать надо коньячок. Сердце прихватывает.

— Рано тебе на здоровье жаловаться.

— Какое там, Валера, — Аркаша махнул рукой. — Стар, стар стал, пора на покой, сына бы на ноги поставить.

Аркаша пил чай и лучисто улыбался. Физиономия у него круглая, как луна, и чрезвычайно добродушная. По внешнему виду Аркаши никто бы не догадался, что это редкий подлец, жулик и бандит. Они с Валерой пили чай, а я за ними ухаживала.

— Лада на машину жалуется, — сказал Валера. — Что-то у нее там с зажиганием.

Аркаша кивнул:

— Посмотрим, пришлю кого-нибудь. А твоя как?

— Не знаю, что с ней делать... Продать надо к чертовой матери.

— Давай ее сыну покажем, он у меня такой мастер, сам удивляюсь. Талант у парня. Продать всегда успеешь.

Через час Валера засобирався на репетицию, ласково простился с Аркашей и отбыл. Я его проводила и вернулась на кухню.

— Ладушка, — запел Аркаша. — Красавица ты моя, соскучился. — Он обнял меня за талию и прижался головой к моему животу.

— У меня машина сломалась, — сказала я.

— Слышал. Сделаем.

— Надоело мне на этом старье ездить.

Аркаша подпрыгнул.

— Ладуль, какое старье, побойся бога, машине полтора года.

— Я и говорю, старье.

Аркаша заерзал.

— Старье... Я на своей три года езжу.

— Вот и езд, а мне надоело.

— Да ты с ума сошла. — Он руки расцепил и нахмурился. — Чего тебе еще?

— «Волгу».

Аркаша, как я и предполагала, схватился за сердце.

— Спятила баба. «Волгу». Совесть надо иметь. Я на тебя трачу больше, чем на всю свою семью.

— Я ж тебя не граблю, продай мою «восьмерку», деньги заberi.

— Что их забирать, все равно выцыганишь. Ух, глаза бесстыжие.

— Жадничаешь, черт плешивый, — сказала я и хлопнула тарелку об пол. — Дождничаешься. Брошу к чертовой матери.

— Как же, бросишь, — ядовито сказал Аркаша. — А деньги? Ты за деньги удавишься.

— Найду другую дойную корову, вон Лома, например.

— Лома? — Аркаша опять подпрыгнул. — Да Лом сам смотрит, как бы с баб содрать.

— Ничего, я его так поверну, молиться на мою задницу будет, не говоря уж о прочих интересных местах.